Залазак

ПУТЬ МЫСЛИТЬ
О
БЕЗСМЕРТІИ
ДУШИ,

Взято
de la Philosophie de la Nature.
О
ЛЮБОМУДРІИ ПРИРОДЫ

Изъ сочиненія господина Z*

Перевелъ съ Французскаго

С. Д. П. П. А. Г.

Въ Санктпетербургѣ,
печатано съ дозволенія указнаго
въ типографіи Б. Л. Гека,
1786 года.

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ

Господину Бригадиру

ИВАНУ ДМИТРІЕВИЧУ

ШЕПЕЛЕВУ

Милостивому моему государю

и

Благодѣтелю.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Преисполненъ будучи вашихъ милостей и не находя ничего къ возблагодаренїю, осмѣливаюсь въ изъявленїе признательности благодарнаго моего сердца, посвятить ва́мъ сей мой слабый трудъ, достойный толь благотворительной души, въ разсужденїи одного высокаго своего предмѣта безсмертности. Примите, милостивый государь, сїю жертву не зрѣлаго плода, яко отъ древа, кое давно увяло бы на всѣгда, естли бы не орошалось благодѣянїями

ми вашихъ добродѣтельнѣйшихъ расположенiй; къ прославленiю оныхъ опредѣливъ всю мою жизнь, съ истиннымъ почитанiемъ есмь,

Милостивый государь,

Вашего Высокородiя

Всепокорнѣйшiй слуга

Александръ Глебовъ.

ПУТЬ МЫСЛИТЬ
О
БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ.

(*) Безсмертіе души хотя еще подобіемъ Геометровъ и не доказано: однакожъ объемлю я его, ибо оно есть самое природное наставленіе для всѣхъ чювствительныхъ людей, которое въ моихъ глазахъ кажется наилутчимъ основаніемъ всеобщаго

 нра-

(*) Читавшіе оригиналъ можетъ быть удивятся недостаткамъ въ выраженіяхъ и слабости противъ плавнаго штиля Господина Залзака; въ чемъ я ни мало не оправдываюсь: ибо предмѣтъ мой издавая сіе со всемъ не въ томъ состоитъ, чтобъ блеснуть именемъ, а единственно чтобъ обнаружить только чувствительность моего признанія къ моему благодѣтелю. И чемъ менѣцѣннее мой переводъ, темъ вящшее да увеличится жертва моея къ нему преданности.

нравоученія: и изъ всѣхъ умословныхъ изысканій единственно одно оно есть простовразумляющее и руководствующее къ добродѣтели.

Посудимъ, не ужели вправду сей небѣсный огнь одушевляющій меня долженъ вдругъ погаснуть во мракѣ гроба? и не ужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего инаго, между мною и ничтожествомъ, какъ одно лѣтучѣе существованіе, что жизнію именуютъ?

Пусть ужаснѣйшій Епикуръ молвилъ сіе, равно какъ и темный Помпанацій; послѣдовали сему и умственники полупросвященнаго народа, и Сенатъ римскій, когда не стало уже болѣе римлянъ.

Но совсемъ темъ внутреннее чувствованіе вопіяло безпрестанно противу такого отчаяннаго ученія: и гласъ природы, будучи силняе всѣхъ умственныхъ положеній, воспящалъ всегда роду человѣческому прилѣпляться къ ничтожеству.

Воз-

Воззримъ только на Индїю, яко на корень ясно являющїй начальныя чювствованїи рода человѣческаго, и гдѣ съ безъизвѣстныхъ еще времянъ уповали безсмертїя душъ; тамъ мудрецы, не иначе умирали какъ обращая всегда глаза свои къ востоку, аки бы спѣша къ чаемой ими минутѣ прерожденїя; чювствительныя же ихъ вдовицы сожигали самихъ себя на кострахъ своихъ супруговъ, чтобъ темъ увѣковѣчить и любовь свою и услажденїи.

Естлижъ кому, то развѣ только однимъ алчнымъ завоевателямъ и бѣсносвятамъ простительно вѣровать, что все съ ихъ жизнїю умираетъ: сни имѣютъ нужду темъ ослѣплятся въ разсужденїи поношенїя, что впечатлѣется на ихъ гробницахъ потомствомъ людей избїенныхъ ими мечемъ войны, или кинжаломъ вѣры: но къ нещастїю они то и суть твари наиболѣе уповающїе безсмертїя: ибо

Сезостръ, для незабвенной памяти наложившаго народу ига, построилъ пирамиды; а чернецъ Климентъ омылъ убійственныя свои руки въ кровѣ Государя, чтобъ только въ мученикословъ въписали имя его.

Проповѣдники вѣчнаго ничтожества, о коль всѣ ваши ереси коловратствуютъ одна противу другой! Видно что они есть твореніе вашихъ рукъ: сердце же ваше было истиннѣе не творя никакой ереси, и ево одного долженствовало бы вамъ вопрошать.

Вы истощаетѣ всю остроту вашего краснорѣчія ко отравленію священнѣйшаго догмата, который васъ трогаетъ: но сей догматъ все таки существуетъ въ душахъ не превращенныхъ вами! ..... Такъ на чтожъ мнѣ ваши изъясненіи, ваши злорѣчіи, и ваши тщетныя противоположеніи? Когда я разумѣю рѣчь, какая мнѣ нужда въ толмаче?

Вы говорите, что Богу мы не долженствуемъ ничего. .... Лжеумственники жестокіе! Не долженствуемъ ли мы Богу щастіемъ, ибо онъ его намъ нужнымъ творитъ? А какъ существованіе души моей на земли мучительно, то должно когда нибудь оно премѣнится; ибо первѣйшее начало есть благо, слѣдовательно душа моя безсмертна.

Безъ сумнѣнія она безсмертна, въ томъ убѣждаюсь я темъ, что страдаю, а мучитель угнѣтающій меня, такъ же убѣждается въ ономъ темъ, что терзаемъ бываетъ угрызеніями совѣсти.

Сіе ученіе о безсмертіи души не можетъ быть ложно, потому что оно надмѣру нужно къ спокойствію рода человѣческаго; ибо будь душа наша смертная, то земля будетъ для насъ адъ, а смерть вѣчное ничтожество.

Противники безсмертія утверждающіе вѣчное ничтожество суть рожденные враги общества, коихъ ученіе полезно лишь къ защищенію самовластія Государей и превратности злодѣевъ: и потомуто, когда Кесарь, вступаясь за Катилину, хотѣлъ утвердить умствованіе о смертности души, Катонъ, Великій Катонъ, не силился многими доводами испровергнуть оное; но довольнымъ счелъ сказать только ему что онъ вредной гражданинъ; и потомство согласно подтвердило судъ сего великаго человѣка, не взирая на всѣ дарованіи, остроту разума и завоеванія Фарсальскаго побѣдителя.

Неимовѣрный Скептикъ, для вѣрованія будущей жизни требуетъ обыкновенно доказательствъ метафизическихъ: но для чего бы не утвердиться ему на толикомъ множествѣ доводовъ нравственныхъ? Не явствуетъ ли изъ сего, что ежели бы при-

привесть ему и метафизическія доказательства, то онъ навѣрно тогда потребовалъ бы доводовъ нравственныхъ; то есть всегда будетъ искать своего ничтожества, а не просвѣщенія.

Чувствительныя души, коимъ сей слабый трудъ посвѣщается, желаете ли вы доказательства о вашей безсмертности; обратите взоръ свой окрестъ васъ; посмотрите только на несогласіе стихіевъ и беззаконія Государей.

Добродѣтельный человѣкъ, будучи угнѣтаемъ, стѣнаетъ на земли; но умирая дѣлается свободнымъ; одинъ гонитель его достоинъ только вѣчнаго ничтожества.

Прочтите исторію Клариссы; она служитъ наилучшимъ доказательствомъ, какое только могъ когда изобрѣсти разумъ человѣческій въ пользу безсмертія души: всѣ Кларковы, Паскалевы и Картезіевы доводы не

стоятъ одной страницы писанія Рихардзонова.

Я покушусь здѣсь привесть, въ пользу безсмертія души, другой доводъ такого же роду: и именно, жалостную повѣсть Іенніи Лилли; естли кто читая ее будетъ тронутъ, я торжествую, и душа есть безсмертна.

по-

Повѣсть Іенніи Лилли.

Іаковъ вторый царствовалъ въ Англіи, естли только это можетъ назваться царствованіемъ, чтобъ лишать себя спокойствія для привѣденія въ трепетъ своихъ подданныхъ, сражаться поноснымъ бичемъ самовластія, противу меча вольности и быть главою царедворцевъ для избіенія народа.

Іаковъ не былъ по природѣ своей золъ, но имѣлъ весьма слабый духъ и робкое сердце: а у народа имѣющаго свойства великія, глупость и слабость Клавдіева столькожъ можетъ зла причинить, какъ и злодѣйства Нероновы.

Побочный сынъ Карла втораго, жестоко гонимый его преемникомъ, но бывшій въ почтеніи и здѣлавшійся такъ сказать идоломъ Англіи, предвидѣлъ возстающую издалека бурю гро-

грозящую престолу; господинЪ этотЪ былЪ славный ГерцогЪ Монмутскій, наипрекраснѢйшій изЪ всѢхЪ молодыхЪ господЪ Великобританіи, одаренный, сверхЪ того, великими души качествами, сЪ которыми не всегда красота тѢла бываетЪ соединенна: и которой естьли бы хотя половину имѢлЪ политики Принца Оранскаго, то сей послѢдній навсегда бы остался ШтатгалтеромЪ ГолландскимЪ; но онЪ не далЪ созрѢть умыслу предпріятому имЪ противу правленія, считая что одно его имя, и ненависть Англіи кЪ его сопернику, довольны были для составленія ему арміи, а сіе то и было притчиною что онЪ умерЪ, подобно какЪ и ГрафЪ Ессекскій, сЪ поноснымЪ титломЪ бунтовщика, котораго можетЪ быть онЪ менѢе заслуживалЪ, нежели имя безрасуднаго.

Не трудно было послѢ сего Государю сей послѢдней отрасли дому Штуардскаго привлечь кЪ себѢ сердца

ца своихъ подданныхъ, посредствомъ щедротъ и милостей, которыя бы онъ могъ безбоязненно тогда оказывать; но кажется что великость души есть всегда достоянїе однихъ великихъ дарованїй: побѣдитель Монмутскїй былъ жестокосердъ и малодушенъ; онъ рѣками проливалъ кровь сообщниковъ своего противника, и мстилъ подобно какъ Марокскїй Императоръ, будучи самъ не иное что, какъ только первый Лондонскїй гражданинъ.

Рѣдко бываетъ чтобъ такой Тиверїй не имѣлъ своихъ Селновъ для исполненїя его неистовствъ. Іаковъ вторый поручилъ своему Канцлеру Іефреѣ и Полковнику Киркѣ, казнить всѣхъ бунтовщиковъ спасшихся отъ сраженїя Седжеморскаго: немилосердые сїи палачи исполняли повелѣнїя мучителя, какъ вѣрные рабы желающїе звѣрствомъ угодить своему Государю; такимъ образомъ Полковникъ избивалъ всѣхъ острѣемъ меча,

а

а Канцлеръ уязвлялъ жаломъ законовъ.

Бриджеватеръ былъ театромъ убійствъ помянутаго полковника: онъ входя въ сей городъ, велелъ тотчасъ безъ наималѣйшаго испытанія повѣсить девятнатцать человѣкъ изъ первѣйшихъ гражданъ: и какъ его жестокость составляла его забаву, то онъ отправлялъ всегда таковые жертвы, какъ скоро пилъ за здоровье Короля или его Министра. Иногда же приходило ему на мысль раза по три и одного вѣшать на день, дабы темъ болѣе усугубить свирѣпство своихъ мученій. Тигры служащіе исполнителями его жестокостей были его солдаты, а онъ ихъ называлъ своими овечками.

При совершеніи таковыхъ жестокостей въ Бриджеватерѣ невинность и любовь явили одно наипрекраснѣйшее для честныхъ и чувствительныхъ душъ зрѣлище: ето были двое влюб-

влюбленныхъ достойные уваженія всея земли, коихъ небо готовилось наградить за двадцати лѣтнія несчастія и добродѣтели.

Іенни - Лилль была уже не въ сихъ лѣтахъ цвѣтущей младости, когда душа удивленная сама собою исторгаетъ удовольствія, прежде еще нежели познаетъ вкушать оныя; но достигла уже того возраста, которой природа назначила къ совокупленію обоихъ половъ, когда всѣ силы и способности души открываются, свойства и нравы приемлютъ свою крѣпость и страсти со всею жестокостію начинаютъ дѣйствовать; словомъ сказать, она вступила въ сей щастливый возрастъ, коего никогда не познаютъ тѣ слабые недоростки, коихъ женятъ въ пятнатцать лѣтъ и силятся здѣлать людьми, прежде нежели престали они еще быть дѣтьми.

Она

Она не имѣла въ своей молодости ничего болѣе, кромѣ однихъ прелестей красоты и ея невинныя откровенности, которая усугубляетъ цѣну оныхъ: всѣ же ея добродѣтели открылись съ лѣтами возраста, и не было человѣка, которой бы за честь не поставлялъ участвуя раздѣлить ихъ съ нею.

Правда, несчастїи ея здѣлали нѣкоторое слабое запечатленїе на розахъ прелестнаго лица; но симъ не умалилась ея красота, а здѣлалась лишь болѣе трогательною.

Сидней любилъ Іеннїю, и хотя онъ не сказывалъ ей о томъ, однакъ его взоры говорили за него; и цѣломудренная красота откровеннаго сердца не могла устоять противъ краснорѣчїя милыхъ взглядовъ: въ прочемъ Сидней и видомъ и душею былъ ее достоинъ; онъ былъ философъ и не старѣе двацати лѣтъ; можно бы его уподобить Ловеласу, если бы

Ловеласъ былъ только честной человѣкъ.

Сидней и Іеннія ни отъ кого не зависѣли и были властны располагать своею судьбою; по крайней мѣрѣ во всемъ Бриджеватерѣ никто не зналъ родителей ихъ; онѣ были отъ всѣхъ почитаемы, аки нѣкія небесныя существа, которые казалось не могли быть произвѣдены обыкновенными естественными путями.

Сидней цѣлые три года казалось забывалъ свои горѣсти, чтобъ занимася одними лишь несчастіями своей любовницы. Онъ всячески старался проникнуть въ ея тайну; но благородная и неприступная ея душа затворяла всегда путь сему сладкому изліянію сердца, коего ищетъ любовь подъ покровомъ искреннего дружества; толь строгое его воздержаніе наконецъ было награждено: пойдемъ, сказала ему одинъ разъ Іеннія, подъ тѣнь сего миртоваго куста могуща-

го

го сокрыть насъ отъ всѣхъ взоровъ; я открою тебѣ тамъ чювствія моей души; ночь какъ будто спомоществуя нашему спокойствію начинаетъ уже распространять на садъ свой мрачной покровъ. — О! Еслибъ она могла въ нѣдрахъ своихъ на всегда сокрыть память моихъ несчастій, о коихъ хочу теперь увѣдомить тебя!

Сидней дрожалъ чтобъ тайность его любовницы не была противна страсти его; но пылая желаніемъ ее выслушать, охотно слѣдовалъ за нею; сердце его съ жестокостію трепетало, а Іеннія еще усугубила біеніе онаго симъ ужаснымъ началомъ:

Сидней, я жила; и по моимъ нещастіямъ совершила уже теченіе жизни природою мнѣ назначенное, я свято чту судьбу провидѣнія; но поношеніе или ужасъ напояютъ отравою всѣ дни жизни моея: была всегда праведна предъ Богомъ и законами моего отечества, но въ двадцать шесть

лѣтъ

лѣтъ должна насильно изкопать себѣ гробъ, а Кромвель спокойно въ своей постели умеръ.

Кромвель! ужасный Кромвель! . . . Но оставимъ съ миромъ злодѣевъ, когда они покоятся уже во гробѣ. . . . — Сидней, послушай меня: я имѣла отца, который долженствовалъ своимъ чиномъ, счастїемъ и знатностїю Королю; онъ былъ другъ Карла перваго: несчастный государь! какъ онъ не умеръ отъ единаго страха и воображенїя поносной смерти? но дожилъ до того ужаснаго дня, въ которой Лондонъ долженъ былъ зрѣть обезглавленной трупъ монарха своего на эшафотѣ въ Виттегаллѣ, въ наказанїе что пощадилъ неистовствующихъ пустосвятовъ, достойныхъ по справедливости его участи.

Отецъ мой, не возмогши отъ взволновавшегося народа отвратить цареубїйства, обратилъ все свое усилїе къ тому, чтобъ спасти по крайней

 мѣрѣ

мѣрѣ наслѣдника престола и отвратить всѣ злодѣйскія его гонителей на него покушенія; онъ всемъ способствовалъ бѣгству сего Принца, и не прежде успокоился какъ доставя ему совершенную безопасность, тогда безъ боязни сталъ ожидать своей казни отъ мучителя, за то что уменшилъ число угрызеній его совѣсти.

Сей толь благородной и патріотической поступокъ моего отца не прежде сталъ извѣстенъ Кромвелю, какъ въ послѣніе уже годы его тиранскаго владѣнія; отецъ мой тотчасъ былъ обвиненъ въ томъ, что имѣлъ человѣчество спомоществовать къ спасенію отрасли дому Стуардскаго; и осужденъ на смертную казнь какъ виновникъ въ измѣнѣ противъ отечества, тѣми же злодѣями, убившими жаломъ законовъ Карла перваго.

Я была тогда еще одного году, какъ сей знамѣнитый преступникъ,

буду-

будучи уже на эшафотѣ, взялъ меня на руки и показалъ народу: Агличане, вскричалъ онъ, если моей крови еще мало къ насыщенію ехидны святонеистовства, то вотъ вамъ еще единственная отрасль моего корени: разите, смѣшайте нашъ прахъ съ прахомъ избіенныхъ вами государей; пусть вся фамилія моя истребится, но потомство жалѣя нѣкогда о отечествѣ, коего вы защитить не умѣли, пожалѣетъ купно и объ насъ. — А ты, любезнѣйшая моя дочь, если ты переживешь твоего родителя, незабывай никогда что ты агличанка, и что поношеніе долженствовать жизнію цареубійцѣ, не можетъ иначе заглажено быть, какъ подраженіемъ моему примѣру. —

Сидней, при концѣ сего разсказыванія, нечувствительно палъ на колѣни предъ своей любовницей; онъ взиралъ на нѣе съ темъ почтительнымъ благоговѣніемъ, какое должна изтор-

гать жертва принесенная за отечество; но сердце его въ тайнѣ содрогалось отъ боязни, дабы обрѣтши героиню не лишится любовницы.

Іеннія любя столько Сиднея не могла не понять его молчанія; она съ нѣжностію подняла его, пролила каплю слѣзъ на его руку, и симъ голосомъ которой проницаетъ до самой глубины сердца такъ продолжала:

Другъ мой, зрѣлище твоей чювствительности было еще первое удовольствіе, которое сердце мое съ увеселеніемъ вкушало. — Лишь только пришла я въ возрастъ и могла понимать злощастія отца моего, какъ должна была проливать слѣзы о заблужденіяхъ моей матери. Сія женщина, коей не льзя ни чемъ другимъ укорить, какъ развѣ только темъ, что не была она выше своего полу, которая была болѣе нещастна нѣжели виновна, и которая можетъ быть

была

была сама себѣ гнусна, но для меня пребудетъ навсегда почтенна, она довершила мое нещастїе отравивъ во мнѣ чювствованїя бытїя своего. Злощастїе поносно лишило ее знатности, достоинствъ и имѣнїя; и такъ утомясь сражавшись съ напастми, перемѣнила она свое имя и вышла тайно за мужъ за одного изъ тѣхъ неистовыхъ парламентскихъ членовъ, которые на убїйствѣ своего Государя возстановили призракъ своей республики. Сїе Аристократическое правленїе вскорѣ пало съ Кромвелемъ основателемъ онаго; Англїя по двадцатилѣтнемъ колебанїи безумствованїя открыла на конецъ глаза и ненависть возпрїятая народомъ прежде къ правителямъ, превратилась въ ужасъ и отвращенїе къ цареубїйцамъ.

Мать моя и ея супругъ принуждены были удалится въ Голландїю; хотя волность изъ всѣхъ земѣль наиболѣе царствовала въ сей области,

 но

но убїйцы Карла перваго не могли тамъ найти себѣ убѣжища, гдѣ еще люди были. Четверо Агличанъ взялись отмстить за отечество и своихъ Государей: въ одинъ вечеръ въ Гагѣ вошли они въ тотъ домъ, гдѣ мы жили и съ оружїемъ въ рукахъ напали на нещастнаго своего согражданина.

Хотя десять лѣтъ уже прошло послѣ сего злощастнаго приключенїя, но страшное изображенїе онаго и досѣлѣ еще въ душѣ моей живо представляется. — Виновный увидя опасность, бросился схватить свою шпагу; но убїйцы окружили его: мать моя, въ страшномъ ужасѣ, съ разтрепанными волосами съ полуоткрытою грудью и сверкающими глазами бросается въ средину сраженїя. — Какая геройственная храбрость! Сидней, увы! почто она была безполезна къ защищенїю отца моего? . . . Іеннїя говоря сїе остановилась, аки бы желая

лая дать нѣсколько времяни нужнаго къ смягченiю ея печали; потомъ отдохнувъ продолжала опять такъ: мать моя тщетно тутъ покушалась изхитить жертву изъ рукъ убiйцъ; красота ее и неустрашимость, сiи единственныя орудiи природы, которыми она силилась защищать своего супруга, не произвели ничего кромѣ ожесточенiя въ сихъ свирѣпыхъ царемстителяхъ; другъ Кромвелевъ былъ пронзенъ одиннатцатью ударами, а супруга его, раненная такъ же пала безъ памяти на мертвый трубъ мужа своего.

Во время произшествiя сего ужаснаго дѣйствiя, я спала въ особливой горницѣ отдѣляющейся садомъ отъ покоевъ матери: вдругъ двѣри растворились; слышу въ стѣнанiяхъ особу съ трудомъ влекущуюся къ постели моей; я вскочила отъ страха какъ бѣшаная, и ощупавъ оледѣнелую руку, по стремленiю моего во-

 обра-

ображенія почла за привидѣніе: и къ умноженію смущенія почувствовала я себя въ истекающихъ кровію объятіяхъ; темнота ночи, стенаніи ничего непроизносящія умирающей, страшная мысль привидѣній занимавшихъ мой разсудокъ, все усугубляло ужасъ мой; кричу, зову на помощь мать мою; но едва произнесла я сіе роковое имя, какъ особа державшая меня въ объятіяхъ, вдругъ съ великимъ стукомъ упала, я также на нее повалилась: и мы обѣ лишились чувствъ.

Не знаю долголи продолжалось то наше смертельное изступленіе; но едва начала только я открывать мои глаза, то увидѣла множество постороннихъ женщинъ возвращающихъ меня къ жизни; я совсемъ не вѣдала еще о ужасномъ произшествіи въ нашемъ домѣ, и слабость моихъ чювствъ, холодной потъ коимъ вся орошена была, и то блѣдное и окровавленное державшее меня въ объятіяхъ привидѣніе, почи-

тала

тала не иначе какъ за дѣйствїе сна истощившаго чувства воображенія моего. Замѣшательство мое не долго продолжалось, какъ скоро возъимѣла я столько силы чтобъ встать, то взявъ тотчасъ въ руки ночникъ, подхожу я къ кровати, открываю занавѣсъ и нахожу.... тутъ произношу я ужасной крикъ: лампада падаетъ изъ моихъ рукъ и погасаетъ, а ноги подомною подсѣкаются..... Сидней представь себѣ, я нахожу тутъ окровавленную мать мою, она-то показалось мнѣ привидѣніемъ..... горячность удержала силы чувствъ моихъ, и я осталась жива, но для того чтобъ страдать; я бросилась на сей почти бездушной трупъ, и обнявъ его держала крѣпко въ своихъ обьятїяхъ. Мало по малу охладѣвшїя члены матери моей начали согрѣваться и возвращать нѣкоторую частицу прежнихъ силъ: она открыла умирающїе глаза, и узнавъ меня, разсказала то

страшное позорище, которое лишило ее супруга и которое вскорѣ лишитъ и меня того единственнаго блага, кое привязывало меня къ жизни. Я старалась сколько было можно взогрѣть въ ней надежду и внушить спокойствїе, коего сама не имѣла. Нѣтъ, моя дочь, сказала она мнѣ, посмотри на мою рану и сколько изтекло крови, чювствую что не проживу болѣе нѣсколькихъ минутъ..... я довольно уже жила..... ахъ! естлибъ имѣла я твою невинность!..... естьлибъ я не выходила за мужъ..... я вижу что ты мнѣ ето прощаешь, и я умираю....

Во время сего разсказыванїя, Сидней равномѣрно чувствовалъ всѣ терзанїи своей любовницы; но глаза его имѣли тѣжъ движенїи, лице его принимало таковыяжъ виды, уста его казалось жадничали раздѣлять ее дыханїи.... О Iеннїя; вскричалъ онъ, бросясь вдругъ къ ея ногамъ, ты испила чашу злощастїй, небо и земля

тебя

тебя оставили.... Чтожъ! темъ ты болѣе достойна меня.

Сидней, я тебѣ столько почитала, что здѣлала тебѣ сїю ужасную довѣренность; ты видишь теперь, что я отцомъ имѣла человѣка умершаго на эшафотѣ, а мать моя была послѣ женою цареубїйцы; что я не имѣю ни званїя ни достоинства, ни имѣнїя, ни какїя либо надежды; я не могу скрыть моего рожденїя не здѣлавшись подлѣйшей изъ Агличанокъ; не могу также и объявить его не причтя себя еще и болѣе къ наипоноснѣйшимъ; я шествую безпрестанно между нещастїемъ и поношенїемъ.... жалѣй о нещастной Iеннїи, не презирай ее; но удались навсегда отъ нея.

Мнѣ удаляться отъ тебя!... Богъ и я, вотъ два единыя существа въ природѣ, кои тебя еще любятъ..... Нѣтъ, я не оставлю тебя при таковомъ расположенїи; тайны что ты мнѣ открыла увеличиваютъ, естьли

то

то возможно, мое почитанїе и мой пламень. Согласись дать мнѣ свою руку; твой супругъ вознаградитъ тебѣ лишенїе отца, неблагодарность отечества и презрѣнїе вселенныя.

Почтенный Сидней. . . Но нѣтъ, твоя добродѣтель будетъ для тебя гибельна; несчастїе мое коему я предана съ самаго дня моего рожденїя разпространится и на тебя: нѣтъ я не вступлю съ тобою въ бракъ, я во влеку тебя съ собою во гробъ.

Изрядно! изрядно! пусть я буду одну минуту щастливъ, и я охотно умру. . . Iеннїя. . . . . Ты смущаешся. . . Сей взглядъ. . . Ахъ участвуешь ли ты въ моемъ восхищенїи? Могуль обнять мою супругу?

Такъ Сидней, я соглашаюсь быть твоей супругою; не должно оставить жизни не познавъ блаженства оной. . . и не оправдивъ вышняго провидѣнїя.

Сидней, упоенный любовїю и радостїю, обнималъ еще колѣна Iеннїи,

какъ

какъ вдругъ застучали сильно у садовыхъ воротъ. Великодушный сей любовникъ отря радостные слеза, изторгается изъ обьятїй своей любовницы, и взявъ фонарь спѣшитъ съ безпокойствїемъ къ воротамъ, и отворяетъ ихъ. - - - Въ ту минуту солдаты бросясь на него, арестовали его Королевскимъ имянемъ; нещастный Сидней вскрикиваетъ въ ужасѣ, прибѣгаетъ на крикъ Іеннїя, но топчасъ ворота опять запираются.

Іеннїя въ смущенїи, ожидала долго въ саду конца сего приключенїя; наконецъ вспащилась кое какъ въ свои покои, бросилась въ крѣслы, и отдалась всѣмъ горѣстямъ своихъ размышленїй.

Сидней, на разсвѣтѣ дня приведенъ былъ къ полковнику Киркѣ; военный совѣтъ собранъ былъ въ его кабинетѣ; заключили обвиняемаго въ желѣзы, и полковникъ самъ сталъ его допрашиват.

Пол-

Полковникъ.

Сидней, тебя обвиняютъ какъ сообщника въ возмущенiи Герцога Монмутскаго.

Сидней.

Милордъ, я былъ другъ брата Короля моего, но я не бунтовщикъ.

Полковникъ.

Герцогъ Монмутскiй былъ преступникъ, слѣдовательно и друзья его таковыжъ. . . . Какъ дерзнулъ ты признатся въ толь виновной дружбѣ?

Сидней.

Я не столько подлъ, чтобъ льстить судьѣ или измѣнить своему другу. --- Герцогъ Монмутскiй сохранилъ мою жизнь, я его почиталъ во время благополучiя его, сожалѣлъ о его заблужденiяхъ, но не умѣю приучить себя къ поношенiю памяти его.

Полковникъ.

По крайней мѣрѣ свѣдомъ ли ты былъ о его заговорѣ?

Сидней

Сидней.

ГерцогЪ Монмутскій столько меня почиталЪ, что не могЪ никакЪ помыслить здѣлать изЪ меня измѣнника; и я не прежде узналЪ его умыселЪ, преступленіи и паденіи его, какЪ послѣ Седжеморскаго сраженія.

Полковникъ.

Но послѣ сраженія Седжеморскаго ты доставилЪ убѣжище сему злодѣю.

Сидней.

Я вижу, МилордЪ, что мнѣ остается нѣсколько лишь минутЪ прожить; но я не посрамлю ихЪ никакЪ скверною ложью и гнусною подлостію. - - - ТакЪ точно, я старался избавить Герцога Монмутскаго отЪ казни: еслибЪ остался онЪ побѣдителемЪ, я бы навсегда удалился изЪ Англіи; но какЪ скоро здѣлался онЪ нещастливЪ, то я не могЪ иначе взирать на него какЪ на друга.

Полковникъ.

Сидней, я хвалю твое чистосердечіе. - - - Но какЪ ты думаешь о

Королѣ

Королѣ Іаковѣ, и его Министрѣ Іеффреѣ?

Сидней.

Милордъ, вѣлите заключить мой приговоръ.

Полковникъ.

Я повѣлеваю тебѣ имянемъ Королевскимъ, отвѣтствуй.

Сидней.

Вы требуете того, изрядно. - - - Я почитаю моего Государя; и желалъ бы пролить кровь мою лучше за него, нежели на эшафотѣ. - - - Но когда онъ избралъ себѣ въ Министры кровожаднаго пустосвята и къ сужденію гражданъ опредѣлилъ неистоваго воина. . . . То онъ не достоинъ начальствовать надъ Агличанами.

Полковникъ.

Онъ самъ изрекъ свой приговоръ. — Воины! отведите его на эшафотъ.

Между темъ до исполненія приговора неустрашимый Сидней отвѣденъ былъ въ темницу; куда какъ скоро

скоро лишь вошелЪ, то взявЪ иголку и отворивЪ себѢ жилу, написалЪ кровїю сїе ужасное писмо.

,,Дражайшая супруга, предсказанїе ,,твое свершилось. . . . Меня осудили какЪ возмутителя, но я умираю ,,добродѢтельнымЪ и достойнымЪ тебя --- БѢги изЪ сея жестокїя земли пожирающей собственныхЪ своихЪ жителей. - - - Между темЪ же ,,утѢшься: твой супругЪ не совсемЪ ,,умираетЪ; его душа будетЪ ожидать тебя по смерти.

Тюремный стражЪ, обольщенный бралїантовымЪ перстнемЪ, взялся вручить сїе письмо и отнесЪ самЪ его по надписи.

ЕслибЪ я имѢлЪ слогЪ РуссовЪ и дарованїе Рихардзоново, то все слабо еще изобразилЪ бы порывистыя смятенїи обладавшїе Іеннїею при читанїи сего злощастнаго любовникова письма; сїи трогательные минуты ра-

 здираю-

здирающіе душу, легче можно себѣ вообразить нѣжели описать.

Однакожъ Іеннія не довольствуется тутъ одними стѣнаніями, обыкновеннымъ убѣжищемъ душъ слабыхъ; но лѣтитъ къ полковнику Киркѣ, и проситъ съ нимъ поговорить. Онъ выходитъ, и она тотчасъ бросается предъ нимъ на колѣни и говоритъ, прерывающимся при каждомъ почти словѣ, голосомъ: Милордъ, вы осудили на смерть Кавалера Сиднея. . . . Это наидобродѣтельнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ. . . . Это мой супругъ. . . . Она не могла болѣе ничего выговорить, но слезы орошавшіе ея лице, движеніи трепещущихъ устъ, тяжелое дыханіе и стремительное біеніе сердца краснорѣчиво ходатайствовали въ ея пользу. Свирѣпый воинъ не могъ на долго устоять противъ зрѣлища толикихъ прелестей и печали: Іеннія, сказалъ онъ, судьба мужа твоего собственно зависитъ отъ моей воли; но

если я возврашу его твоимЪ слѣзамЪ, скажи за какую цѣну. . . . Если его вы возвратите, великій Боже! вы будете наисправедливѣйшій человѣкЪ предЪ очами нѣбесЪ, а вЪ моихЪ наивеликодушнѣйшій изЪ всѣхЪ смертныхЪ.

Каждое слово Іенніи возпламѣняло болѣе еще мучителя; онЪ ее поднялЪ, посадилЪ подлѣ себя; и взявЪ руку ея, сударыня, сказалЪ онЪ, колико виновенЪ кажется вЪ моихЪ глазахЪ Сидней! онЪ вашь супругЪ? . . . Іеннія покраснѣвЪ отодвинула стулЪ свой; ПолковникЪ придвинулся опять кЪ ней; и сжавЪ нагло руки нещастной, возможноли, говорилЪ, чтобЪ столько прелестей было подЪ властію преступника!

Сидней преступникЪ! . . . . Но пусть, МилордЪ, ежели онЪ и таковЪ! то я осмѣливаюсь просить о его помилованіи.

Прекрасная иностранка, ты просишь его помилованья. Ахъ! сколь сіи пламенные взгляды удобны испросить ему прощеніе, но скажи за какую цѣну. . . .

Ахъ! милостивый государь, чемъ можетъ заплатить сіе Царскому Министру нещастная, ненаслѣдовавшая послѣ родителей ничего кромѣ поношенія и отчаянія? Да если бы я была и на престолѣ, то бы я и тутъ не подумала унизить добродѣтели какою нибудь подлою платою.

Нѣтъ, нѣтъ, Іеннія, одна минута слабости не можетъ унизить такого сердца, какъ твое. . . . Да и чево опасатся? Мракъ ночи покроетъ сію ужасную тайну, а по утру очистятъ ее обьятія твоего супруга. . .

Варваръ, понимаю я тебя; ты въ моемъ безчестіи полагаешь цѣну твоего гнуснаго милосердія; ты чрезъ прелюбодѣяніе ищешь быть правосуднымъ. . .

Не

Не уже ли ты такъ любишь своего супруга? . . .

Поди, оставь меня. . . . Я согласна быть нещастною; но не хочу здѣлатся преступницею. . . . Я съ перваго взгляду проникнула въ твою неистовствомъ исполненную душу; толико несправедливостей въ тебѣ доказываютъ ясно невинность супруга моего: пусть онъ умретъ. . . . Какъ! ему умереть! . . . Жестокосердый, я припадаю къ твоимъ ногамъ; и заклинаю тебя всемъ что есть дражайшаго для тебя въ свѣтѣ, возврати горестямъ моимъ твою жертву; не требуй отъ истощенной злощастїями женщины ужаснаго такого приношенїя; позволь чтобъ я могла еще взирать на нѣбо непорочными глазами; не искушай меня предложенїемъ такого гнуснаго соблазна, о коемъ и помыслить не могу, не подвергнувъ себя наимучительнѣйшимъ угрызенїямъ.

ямъ. . . , коихъ вовсю жизнь мою изтребить буду не въ силахъ.

Самый лютѣйшій тигръ почелъ бы толикую добродѣтель, но тиранъ темъ болѣе лишь упоенъ сталъ любовію и показалъ жадность свою къ беззаконіямъ. Нѣтъ, сказалъ онъ, я не привыкъ благополучіемъ моимъ жертвовать пустымъ предразсудкамъ и лишать себя сладчайшаго удовольствія, по одному пустому страху угрызеній совѣсти; сегожъ вечера я буду или наиблагополучнѣйшій человѣкъ, или ты не будешь болѣе имѣть супруга. . . . Однакожъ я пощажу вашу нѣжность; мой домъ отверстъ взору всего общества; — и такъ я пріиду къ тебѣ и тамъ у твоихъ ногъ постараюсь и побѣдить твое ко мнѣ презираніе, сегожъ вечера буду я къ вамъ тайно и одинъ: и если найду двѣрь отперту, супругъ вашъ будетъ прощенъ; еслижъ нѣтъ, то трепещи.

Сви-

Свирѣпой воинъ! . . . Не ужели ты думаешь, что человѣческій гласъ удобенъ привести меня въ трепетъ? Посмотри колико превосходнѣе твоей моя душа не познавшая еще путей беззаконія: потщись лишь спасти моего супруга, а меня на мѣсто ево предать злодѣйственной казни, тогда увидишь при моей непорочности съ какою твердостію взойду я на эшафотъ; словомъ, Сиднеева супруга боится только Бога да грѣха, но презираетъ и муки и мучителей. Обожанія достойная фурійка, повѣрь что я имѣю столько великодушія, чтобъ простить тебѣ сего же вечера всѣ твои досады. . . . Сего же вечера. . . .

Іеннія вышла отъ него имѣя яростной взоръ и смертною блѣдностію покрытое лице; она прошла прямо къ тому миртовому кусту, которой былъ свидѣтелемъ послѣднихъ ихъ клятвъ, и падъ на колѣни вскричала;

Всевышнїй властитель дней жизни моея, я не приписываю тебѣ моихъ злоключенїй; — Ты благъ и правосуденъ, я несумнѣнно тому вѣрую и исповѣдую. . . . Но есть ли жизнь моя была непорочна, естьли сердцеИднеево было достойно тебя, — то восхити меня въ святыя нѣдра твои и спаси отъ страшныхъ хуленїй.

Сїя ужасная молитва болѣе еще усилила снѣдающую ее желчь; она взошла въ свои покои; и кинувъ взоръ на постелю, вотъ, сказала, то мѣсто которое долженъ занимать Сидней; но его мѣсто теперь въ одномъ моемъ сердце. . . . Сидней . . . . Ахъ! ежели я буду еще столь злощастна, что останусь въ живыхъ послѣ тебя, кто тогда займетъ сїе гибельное мѣсто? Но нѣтъ, я имѣла одного только отца, и буду имѣть одного лишь и супруга.

Дражайшїй мой супругъ! . . . . Онъ умретъ, а я его могла спасти! я могла.

гла!.... Какой страшной обмѣнъ! претерпѣть людскую ненависть или оную заслуживать.

Но естьли положить что добродѣтель не столь жестока! Естьли я предамъ тирану одно только сїе бренное тѣло которое смерть должна вскорѣ похитить! естьли, не въ примѣръ обыкновеннымъ любовницамъ, которые жертвовали жизнїю своимъ любовникамъ, я пожертвую моему супругу честїю!.... я сего не переживу.... Но что нужды, оподлимся и умремъ.... Сидней будетъ спасенъ....

Іеннїя не давъ времени укротиться своему изступленїю, кинулась тотчасъ къ воротамъ своего дому, отворила ихъ въ смятенїи, взбѣжала опять на верьхъ и пала безъ чувствъ у кровати, которую хотѣла посрамить.

Когда пришла въ себя, то вспомнивъ о ужасномъ предпрїятїи, схватила бутылку соннаго зѣлїя, кое

она каждаго вечера употребляла для малаго успокоенія, удвоила пріемъ, и произнеся сіи слова, Боже! Боже! мой! проглотила напитокъ и тутъ же повалясь на крѣслы заснула.

Полковникъ, въ полночь не преминулъ къ ней прійти, и нашелъ ворота отворены, насладился плодомъ своего злодѣйства.... а чюдодовище мнилъ себя быть щастливымъ.

На разсвѣтѣ, когда смертный сонъ Іенніи прошелъ; и увидѣла она что тиранъ подлѣ ее лежалъ, и не сумнѣваясь болѣе о своемъ посрамленіи. — Варваръ, вскричала, я не виню какъ только себя одну въ толь гнусной мерзости; я прощаю тебя; и возврати мнѣ моего супруга.

Твоего супруга? сказалъ Полковникъ, онъ ожидаетъ тебя на мѣстѣ казни: поди Іеннія.... и погляди. При сихъ словахъ, подвелъ онъ ее къ окну и открылъ оное, показалъ

ей

ей мертвый Сиднеевъ трупъ висящій на тридцати футовой висилицѣ..... Ахъ! чудовище, вскричала она..... и сказавъ сіе пала мертва къ его ногамъ.

Размышленіе о Повѣсти Іенніиной.

Я не знаю въ защищеніе безсмертія души ни одного метафизическаго доказательства, которое бы было сильняе предложеннаго мною довода нравственнаго. Пусть хотя мало только обратятъ вниманіе на сію двоякую судьбу людей въ обществѣ, которая предъявляетъ намъ съ одной стороны богатства и щастіе, а съ другой бѣдность и поношенія, то увидятъ что есть тысяча толико нещастныхъ какъ Іеннія, и можетъ быть менѣе еще виновныхъ. Да хотя бы и одинъ только сыскался таковый, роптаніе противъ божества будетъ не менѣе того ужасно: ибо положивъ что толь нещастное въ жизни твореніе не вознаградится и послѣ смерти своей а преобратится въ вѣчное ничтожество, свѣтъ сей будетъ не что иное, какъ произведеніе злаго начала, про-

провидѣніе мечта, и самъ Богъ, что ужасно и выговорить, свирѣпый мучитель.

Родясь съ сѣменями лютѣйшихъ болѣзней, долженъ я почерпнуть нѣкоторое утѣшеніе въ горячности моего родителя, но онъ мнѣ наноситъ поношеніе; я кидаюсь въ объятіи моего отечества, а оно меня гонитъ; я прошу высочайшее существо восхитить меня въ свои нѣдра, а онъ меня преобращаетъ въ ничто. — Какаяжъ еще вѣра быть можетъ гдѣ бы мое существованіе не было поношеніемъ Божеству? И какій законодатель можетъ имѣть право мнѣ тогда возбранить богохульство Брутово.

Сіе разсужденіе равно долженствуетъ тронуть богослова и философа, художника и геометра, ибо всѣ сіи существа суть чювствительны.

Платонъ, Кларкъ и Картезій удивляютъ меня, но не убѣждаютъ: что мнѣ нужды до высокопарныхъ умствованій

ванїй о безсмертїи души сихъ Метафизиковъ? Мой разумъ подаетъ свое согласїе по вѣроятности убѣжденїй, а не для важности особъ; и весь плодъ что почерпаю я изъ чтенїя сихъ великихъ людей состоитъ въ томъ; что я желаю чтобъ ихъ душа такъ же была безсмертна какъ и ихъ разумъ.

Равно также не служитъ доводомъ и то представляющееся намъ ужасное неустройство, что зло физическое и нравственное ввело вселенную подъ видомъ согласїя: ибо пастухъ влачащїй, чювствуетъ что онъ нещастенъ, равно какъ и умствующїй мудрецъ; а уничтожа душу вся цѣпь существъ будетъ казатся творенїемъ наислѣпѣйшаго разумѣнїя; будь же она безсмертна, то что имъ до природы и людей? Все у нихъ будетъ Богъ, по чему и рѣшится задача слѣдующимъ: что разсудокъ гласомъ самой природы утверждаетъ,

что

что всѣ люди справедливо чювствуютъ нужду въ изъискиваніи правосудія отъ Божества: человѣкъ въ щастіи стремится къ добродѣтели для увѣнчанія конца своего блаженства, такъ какъ другой въ противномъ старается узрѣть онаго начало.

Иначежъ, какое бы было, о нѣбо! убѣжище такому злощастному, коего мучительская власть наглою рукою ввергнетъ въ пучину поношеній, или коего невѣжество подвидомъ правосудія осудитъ на лютѣйшую смерть? естлибъ не Богъ избавляяй отъ жестокостей людскихъ? Въ противномъ же случаѣ всякое стремленіе къ развратности влекущее, почиталось бы руководствомъ къ щастію; а любомудріе, обуздывающее излишество сладострастій, вмѣнилось бы пустою нѣкоторыхъ хладнокровныхъ стариковъ выдумкою; и Неронъ пожирающій свое отечество былъ бы разумнѣе Кодра, который положилъ жизнь свою за оное.

Но

Но коль скоро противоположу себѣ предстательствомъ невинности существо судящее судъ человѣческій, то безъ трепета воззрю на разрушающееся бытіе свое и испивая чашу злощастій, можно себя почесть всегда щастливѣе подносящихъ намъ оную блѣдныхъ поносителей нашихъ.

Толь сладчайшая надѣжда имѣющаго сообразность высочайшаго существа, поистиннѣ достойна ощутительнаго восхищенія. . . . Поруганъ я здѣсь. Но торжествую тамо. . . . А сіе то и возставитъ моихъ героевъ, кои и въ самыхъ поношеніяхъ возъимѣютъ бодрость хранить всѣгда жизнь свою; ибо честь ихъ, ни мало уже не зависитъ отъ прихотей мучительскихъ; они и самыя свои нещастія обратятъ способомъ къ умилѣнію сердецъ человѣческихъ приключившихъ имъ оныя и въ тишинѣ съ добродѣтелію противопоставятъ Бога и свою совѣсть предъ гласомъ вселенныя.

Слѣдо-

Слѣдовательно, можно положить печать на уста мои, уничтожить мое имя, обезчестить лицо; но лишая всего сего, ничто не лишитъ меня того сладчайшаго упованія, такъ что и въ самыхъ на меня моихъ согражданъ гоненіяхъ, я не престану утѣшатся съ Богомъ, укрѣпляя священный узелъ взаимственности человѣческой, просвѣщая моихъ гонителей и прощая имъ.

О! коль лестно наслаждатся таковою пріятною мыслію, что сей толь дражайшій путь послужитъ мнѣ примиреніемъ предъ престоломъ Бога въ заблужденіяхъ моихъ и слабостяхъ. И я люблю воображать, когда буду у ногъ сего высочайшаго существа наказывающаго и воздающаго, что могу отмстить неистовымъ пустосвятамъ превратившимъ въ мученіе жизнь мою, испрашивая отъ него имъ прощеніе.

После сего кажется тщетно уже болѣе изыскивать одинъ только призракъ самимъ себѣ: все намъ говоритъ, что величество человѣка не долженствуетъ ограничиватся малостію сего шара, въ коемъ жизнь для половины человѣческаго рода есть бурною ночью, а для другой минутою сна: слѣдовательно нужно для всеобщаго благополучія чѣловѣчества, чтобъ сія жизнь была зарею вѣчнаго дня. — . . . .

. . . .

. . . . А ты, о дружба! красота великихъ душъ и сладчайшій плодъ самимъ нѣбомъ опредѣленный прозрастать къ величественной и непорочной пріятности жизни нашей; ты единственно оправдываешь намѣреніе, попускающее въ толь великія иногда злощастія наше существованіе: тобою кидаюсь я, въ моихъ горѣстяхъ, въ объятія друга и твоимъ чюднымъ вспомоществованіемъ, проливая оныя,

вѣ грудь его, утоляю терзанiи свои; твое дѣйствiе, что другѣ однимѣ вздохомѣ услаждаетѣ горестныя мои положенiи и твоя отмѣнная сила лѣчитѣ одною слѣзою, капнувшею другомѣ на пораженное злощастiями сердце; (*) Дражайшее дружество! вѣ себѣ самомѣ я дерзаю обожать тебя; вѣ себѣ самомѣ я чювствую силу твоего

 пламени

(*) И ктожѣ болѣ долженѣ вознести тебя чювствованiями, какѣ не я? угобженный опытами твоими, о дружество! тѣмѣ паче, когда жестокая фортуна, пронзая злощастiями грудь мою, все слабыми кажется еще считаетѣ ударами для терзанiя моего: зло физическое и сама природа, какѣ будто нарочито, совокупясь, разтворяютѣ желчiю мою жизнь и нахально стремятся кѣ пораженiю, уже и такѣ довольно на изнуренное мое бытiе. Конечно палѣ бы я уже давно, естьли бы ты дражайшая дружба мнѣ не была подпорою; сiи дѣйствiи твои столько впечатлѣнны на сердце моемѣ, что безѣ особеннаго благоговѣнiя не могу тебя представить вѣ мысляхѣ моихѣ,

пламени, оживляющаго всѣ члены мои, приближенїемъ искреннихъ взоровъ моего драгаго Пиллада: ибо въ его свойствахъ созерцаю точность моихъ и сердце его есть подобїе моего; утѣшаюсь добродѣтелями своими въ его добродѣтеляхъ, а часто и самыя его слабости, открывая завѣсу человѣчества, открываютъ и моимъ прощенїе. О священнѣйшая цѣпь и

коль

восхищаюсь отъ признательности вспоминая ту родившуюсь тобою минуту, минуту въ которую.... Будучи самыхъ цвѣтущихъ лѣтъ, удрученный безпокойнымъ путешествїемъ, возстаетъ съ мягкаго ложа и въ глубокую полнощь лишаетъ себя не токмо покою, но и нужнаго сна, чтобъ усыпить наперстника своего огорченїи, нанѣсенныя тогда бурнымъ Носїусомъ. Дружество превозмогло природу, которая, на тотъ разъ, какъ будто снисходя толь священнѣйшему чювствованїю, казалось, уступала и самый долгъ свой, докуда порывистая грубость не превратилась въ искреннее человѣколюбїе. Ex: Uoy: LXXXIV. eme Autom:

коль ты безцѣнна! справедливо о тебѣ говоритъ утомленный ночными размышленіями наичювствительнѣйшій Юнгъ; „что нѣбесное блаженство, удо„стоя снити на землю, не поищетъ „себя инаго успокоенія, какъ въ нѣд„рахъ друга: „оно, повторяетъ онъ,„ „утѣшается двумя соединенными серд„цами услаждающимися и покоющи„мися одно другимъ. —— Но сколь ты ни сладка божественная дружба . . . . все, безъ души, безъ ея безсмертности — ты только болѣе огорчишь насъ; — скажи, когда вдругъ жестокая буря, нанѣся страшную тучу ударитъ уже ужаснѣйшимъ громомъ наитерзательнѣйшаго разлученія съ милѣйшимъ человѣкомъ; скажи, говорю я, чемъ могу утѣшить себя? что можетъ тогда излѣчить тяжкую рану толь жестоко пораженнаго сердца! о дружество, достойное взаимственности величія самого Божества ; Вижу коль поспѣшно

 стре-

стремишся упредить отвѣтомъ своимъ. . . . . . . Да чтожъ; и согласно еще со мною! . . . . . . Не вѣки насъ разлучаютъ: конечно справедливо; нѣкоторые миры только отдѣляютъ насъ. —— Безсмертность! ты есть, ты и буди; съ полной вѣрою и кидаюсь въ твои сладкія обьятія о безсмертность.

КОНЕЦЪ.

